

Дара Вейн

Джесси и Мурка. Тайна
Академгородка.



Дара Вейн

**Джесси и Мурка.
Тайна Академгородка.**

«Автор»

2026

Вейн Д.

Джесси и Мурка. Тайна Академгородка. / Д. Вейн — «Автор»,
2026

Из двора на Красном проспекте исчезло любопытство — целое слово «а что, если». Джесси и Мурка идут за ним в Академгородок, к коту-физику профессору Цезию. А за ними — Дара Вейн в парадном шлеме из зелёного ведра и Господин Фасад, белый кот без тени, которому нужен второй звон Стеклянного сердца. Ведь желание — это частица, а частица умеет пройти круг и вернуться.

© Вейн Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Щель между баками и забором	6
Глава первая, в которой Дара Вейн получает парадный шлем	7
Глава вторая, в которой профессор Цезий измеряет время в пшиках	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Дара Вейн

Джесси и Мурка. Тайна Академгородка.

ДЖЕССИ И МУРКА

Тайна Академгородка

Вторая книга о приключениях йоркширского терьера и котёнка
в Новосибирске

Парадокс в том, что у каждого двора есть не только парадная сторона, но и тёмная — щель между мусорными баками и забором, через которую уходит всё потерянное: второй носок, ключ от кладовки, забытое обещание и, если вовремя не смотреть, любопытство.

Пролог. Щель между баками и забором

Мячик был не хороший и не плохой. Он был шуршащий, зелёный, размером с грецкий орех, и в нём внутри что-то перекачивалось — Мурка называла это «сердечко», хотя, если честно, это был просто горошек.

Мячик упрыгал в щель между мусорными баками и забором в четыре часа ночи, когда во дворе на Красном проспекте горел только один фонарь над песочницей.

— Мурка! — шепнула Джесси. — Не суй.

— Я не суну, — сказала Мурка. — Я суну только усы.

— Усы — это ты целиком. Ты же в них помещаешься.

— Не целиком, — обиделась Мурка и всё-таки сунула целиком.

Джесси прыгнула в щель следом, вцепилась зубами в пушистый хвост и потянула. Котёнок вылетел наружу, как пробка из бутылки, мячик — нет. Из щели пахнуло так, как пахнет в подъезде, где никто не живёт: известкой, пылью и чем-то очень чужим.

И оттуда сказали:

— Оставьте. Мне нужнее.

Голос был вежливый и очень чистый, как новенькая вывеска. Джесси шерстью почувствовала, что голос не злой — хуже: равнодушный. Таким голосом убирают чужие вещи, чтобы было красивее.

— Отдай мячик, — сказала Мурка в темноту.

— Какой мячик? — спросили оттуда. — Здесь нет никакого мячика. Здесь порядок.

— Порядок, — прошептала Джесси, пятась, — это просто когда никто не ищет.

Они выбрались. Мячик остался. И наутро двор стал другой.

Он стал лучше. Баки стояли ровно, как солдаты. Асфальт был подметён до блеска. На скамейке сидели три хозяина и молчали — не потому что устали, а потому что им больше не о чем было говорить. Никто не потерял ключи. Никто не потерял ребёнка — дети и так были при них. Никто не смотрел вверх.

— Джесси, — сказала Мурка, — а почему никто не спрашивает «а что, если»?

— Спрашивают, — сказала Джесси, но это было неправда: во дворе спрашивать стало некому. Она обнюхала скамейку и нашла то, чего раньше не было: запах, у которого не было запаха.

— У нас украли любопытство, — сказала она. — Прямо из-под носа. И самое мерзкое — теперь никто не заметит.

— А мы заметим? — спросила Мурка.

— Мы заметим, — сказала Джесси. — Мы же потеряли мячик.

Глава первая, в которой Дара Вейн получает парадный шлем

Красная арка Бугринского моста в тот день была украшена к параду. Ленты, флажки, транспарант «СТРОИТЕЛЯМ — СПАСИБО», и под аркой на складном стуле — Дара Вейн.

Дара Вейн была большая чёрная кошка со шрамом на левом ухе, и с того вечера, когда Стеклоанное сердце города всё-таки позвонило для её глухого котёнка, она носила звание почётногo адмирала Красной Арки.

А на голове у неё было ведро.

Зелёное жестяное садовое ведро, перевязанное красной лентой, с вырезанными по краю дырками для ушей. Внутри ведро было подбито старым шарфом, потому что жёсть на морозе холодит голову, а адмирал обязан думать о будущем.

— Это... — начала Джесси и остановилась, потому что у неё в голове было прилично слов, но не в том порядке.

— Парадный шлем, — сказала Дара Вейн. — Пшш-хх... Замерзнуть тут можно. Пшш-хх... А ведро я взяла на Вокзальной, у подъезда, там ведро без дырок — редкость.

— Тебе идёт, — честно сказала Мурка.

— Мне идёт всё, — сказала Дара Вейн и повернула голову так, чтобы лента встала красиво. — Пшш-хх... Я вас ждала. Садитесь, оба. У нас скверная новость.

Джесси села ровно, как её учили, и подвинула передними лапами снег, чтобы Мурке было видно.

— Твой колокольчик украли снова? — спросила она.

— Хуже, — сказала Дара Вейн. — Пшш-хх... У него есть второй звон. Я знаю это, потому что знаю, где его делали. Я три зимы жила в мастерской, где его выливали, и слышала, как мастера спорили.

— У колокольчика два звона, как у двери? — не поняла Мурка.

— У двери два звона, потому что дверь — дешёвая, — сказала Дара Вейн. — А у Стеклоанного сердца два звона, потому что оно честное. Первый звон — для одного. Кто нашёл — тот и просит, раз в год, одно желание, и город слушает. Пшш-хх... А второй звон — не для одного.

— А для кого? — спросила Джесси.

— Для двора, — сказала кошка в ведре. — За всё сразу. За всех, кто живёт в одном дворе и делает вид, что не знаком.

Мурка открыла рот и закрыла. От ветра зашипела лента на ведре.

— Почему же никто никогда не слышал второго звона? — спросила Джесси.

— Потому что он звонит не в театре, — сказала Дара Вейн. — Пшш-хх... Первый звон живёт под куполом, там ему самое место. А второй ушёл в лес, в тот самый город, который строили в бору, чтобы учёные не ходили через снег. Сердце города вылили с контуром, как выливают и вторую, запасную деталь. Она лежит не в театре.

— В Академгородке, — сказала Джесси.

— В Академгородке, — подтвердила Дара Вейн, и ведро блеснуло. — Пшш-хх... И кто-то уже копает. Я видела. Во дворе на Кирова исчезла тень от баков — а тень, Джесси, вещь упрямая, её не унесёшь, если не знаешь как.

— У нас исчез мячик, — сказала Мурка.

— У вас исчезло слово, — поправила Дара Вейн. — Пшш-хх... Мячик — это просто мячик. А слово — это дверная ручка, за которую тянет весь город. Кто украл ручку, тот скоро откроет дверь.

Она встала, сняла стульчик под мышку, как адмирал снимает шляпку, и посмотрела на мост.

— Идём? — спросила Джесси.

— Я жду вас с четверти пятого, — сказала Дара Вейн. — Пшш-хх... Я думала, вы в театре.

Глава вторая, в которой профессор Цезий измеряет время в пшиках

До «Студенческой» они доехали на метро — Джесси держалась молодцом, Мурка ехала у неё между передними лапами и делала вид, что «просто проверяет вибрацию». Наверху их ждал автобус, потом бор, потом проспект Академика Лаврентьева, широкий и прямой, как линейка, которую кто-то положил в тайгу.

— Тут дома не стоят, — сказала Мурка. — Тут дома растут.

— Это фасад, — сказала Джесси и осеклась. — То есть это лес. Дома тут просто договорились с лесом.

Институт, где работал профессор Цезий, был из серого бетона и белых рам, и у его дверей на табуретке сидел рыжий кот в вязаной жилетке с четырьмя карманами. В одном кармане у него был карандаш, в двух — колбаса, в четвёртом — секундомер.

— Двадцать два пшика, — сказал кот, не поднимая головы. — И одна десятая. Пшш-хх... Значит, вы те самые. Проходите, у меня чайник остыл с утра.

— Вы нас знаете? — спросила Джесси.

— Вас знает весь город, — сказал кот. — Йорк, который в ноябре вытащил из фонтана чужое желание, знает даже голубь Клык, а этот вообще всем хвастается. Цезий. Пошли, не стойте на сквозняке.

В кабинете было тепло, пахло паяльником и молоком. На стене висел большой круг, нарисованный тушью, а по кругу — бусина на нитке, которая ходила и ходила.

— Что это? — спросила Мурка и потянула носом бусину.

— Не трогай, — сказал Цезий. — Это моделирование. Бусина — частица. Нитка — магнит. Круг — накопитель, у нас тут такой настоящий, только в сто тысяч раз меньше. Пшш-хх... Простите, привычка. Дышать паровозом меня научила Дара Вейн, она у нас эталон.

— Это накопитель? — Джесси села перед кругом и не отводила глаз. — Как тот, что под Новосибирском, где частицы ходят по кругу?

— Вот-вот, — оживился Цезий и забыл про колбасу. — Частица может ходить по кругу вечно, если её держать. Одна проблема: вечность скучная. И как только частица понимает, что на неё смотрят, она ведёт себя прилично.

— Как котята, — сказала Мурка.

— Как котята, — согласился профессор. — Вы, собственно, про это и пришли.

Он достал из-под стола жестяную банку с привинченной крышкой, а внутри на дне лежал серый порошок. Вернее — ничего: на дне была лёгкая пыль и след от того, что раньше там что-то было.

— Вот, — сказал Цезий. — Мой детектор. Я двадцать лет ловил в нём любопытство. Оно приходит само, когда кто-то спрашивает «а что, если». Оно не видно, оно не весит, оно живёт ровно до того момента, пока на него посмотрит взрослый.

— А теперь? — спросила Джесси.

— А теперь вакуум, — сказал Цезий. — Пшш-хх... Третью неделю. Двор на Кирова — ноль. Ваш двор на Красном — ноль. Я прошёлся по Нарымскому — там ещё капает, потому что там дети. Но это тает, Джесси.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.